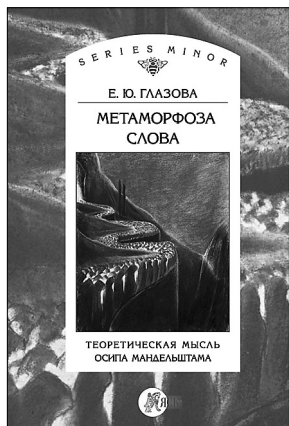

Новые книги

Глазова Е.Ю.

Метаморфоза слова: теоретическая мысль Осипа Мандельштама.

М.: Языки славянской культуры, 2019. — 336 с. — 400 экз.

Книга Е. Глазовой открывает много возможностей не только для изучения Мандельштама, но и для теории поэзии. Исследование взглядов Мандельштама на поэзию — сложная задача, так как Мандельштам развивал свои теоретические воззрения вне логической последовательности, используя метафоры, а не понятия, и его точка зрения менялась со временем. Название первого сборника его стихов — «Камень». Но затем «единая некогда структура (прочность камня) начинает включать в себя пустоты и разрывы» (с. 38). Для Мандельштама начала 1920-х большую роль играл образ Персефоны, связанный и с землей, и с Аидом, объединяющий бытие и пустоту. «Именно включение пустоты в структуру текста оставляет место свободе» (с. 41). Но в статье «Пушкин и Скрябин» Мандельштам «доводит мысль об утверждении-пустоте до логического

конца, то есть — до тупика» (с. 43). Свидетель революции понимает, насколько пустота разрушительна. Поэт стоит не на готической высоте, пронзая пустоту неба, а перед бездной, куда падает культура. Поэзия основана на катастрофе — но должна сдерживать ее.

Соответственно меняются взгляды Мандельштама на слово. Вначале оно — материально осязаемое, как камень, из которого строится стихотворение-сбор. Затем камень отрицается как бесплодный, метафорой поэзии становятся почва и рост, но и о них Мандельштам пишет с грустью, говоря о траве, покрывающей развалины городов. Катастрофа революции заставляет вновь обратиться к устойчивости языка-камня. Затем Мандельштам переходит к представлению о слове как воплощении энергии, свободно витающей душе. Однако оно проявляется в движении, в воздействии на мир. Слово — и «путешествие в варьирующемся пространстве восприятия» (с. 67). И наконец, разнообразие его проявлений приводит к тому, что слово «неразумно и даже невозможно свести к одной конкретной форме или определению» (с. 67). Идея слова-камня не покинула Мандельштама и в «Разговоре о Данте», но в нем у слова много и других обликов. «В 1930-е годы Мандельштам прекращает свои поиски объединяющего и гомогенного начала поэтики» (с. 106), понимая, что она изменчива и многообразна. Характерно использование Мандельштамом образов из новейших в его время положений физики — понятия кванта, идеи о том, что материя — одновременно волна и частица. Форма не стабильна, текст — последовательность волн значений, которые побуждают автора или

читателя к движению и исчезают, уступая место следующим.

Глазова стремится представить эту последовательность при создании текста. В самом начале необходимы провалы, разломы, через которые проникает порыв. На этой стадии «преобладает не ощущение текста, но ощущение его истоков <...> и текст, и читатель выявляют только фрагменты памяти» (с. 133). Согласно Мандельштаму, осознание межтекстовых связей — лишь начало чтения, первый шаг к пониманию, только создание инструмента для дальнейшей работы. Далее происходит интуитивный, инстинктивный рост — появление образов. Для их понимания важно внимание к деталям. Но и его недостаточно. Далее «читатель распознает единство этих образов и постигает текст как целое, как систему качеств» (с. 157). Но при этом текст одновременно и не целостен, «нет конечного поэтического текста, есть лишь бег (соревнование, одновременное движение) множества черновиков, рожденных единым импульсом, чья волнообразная природа диктует движение, пересоздание и, следовательно, существование множества финальных вариантов текста» (с. 160). Глазова постоянно подчеркивает параллелизм чтения и создания текста у Мандельштама. Прочитанное прорастает как семя. Но и рост — не развитие одного и того же, а постоянные метаморфозы. Формообразование — не однократный, а постоянный процесс, причем формы так же исчезают, как появляются. Отметим, что данная ситуация порождает много методических вопросов, например о герменевтическом круге: что делать, если целое, в соотношении с которым понимаются детали, неопределенно?

При этом исследование метафор может быть хорошо структурировано — Глазова приводит таблицу соответствий стадий чтения и письма по Мандельштаму с главами «Разговора о Данте», разделами «Божественной комедии»,

степенями научного познания, принципами восприятия, временем и пространством, типом адресата, используемыми Мандельштамом основными метафорами (с. 184—185).

В книге рассматриваются взаимоотношения Мандельштама и формалистов. Соглашаясь с ними, что поэтическая речь имеет свои особые характеристики, Мандельштам не считал возможным их однозначное определение (с. 205). Принимая «тесноту стихового ряда» Тынянова, он отвергал понятие доминанты в поэтическом языке, которую стремились выявить формалисты. «Исключая центральный “подчиняющий” прием, Мандельштам начинает движение в “постструктуралистском” направлении: вместо доминантного приема он разрабатывает ландшафт всегда новых, пульсирующих, нарастающих и исчезающих перекрестков значений» (с. 211). Глазова отмечает, что понимание Мандельштамом поэзии как чего-то не окончательного, как исполнения постоянно меняющихся черновых набросков, соединяющего поэта и читателя, позволяет объяснить коммуникативный характер поэтической речи, что не смог сделать формализм.

Одна из глав книги названа «Мандельштам и постструктурализм». Сходства отмечаются в положениях об оппозиции устного и письменного, значимости отсутствия (с. 20). Но представляется, что Мандельштам идет дальше. Если Р. Барт, Ю. Кристева и Х. Блум «понимают интертекстуальные отношения исключительно как потерю имени, как смерть, как борьбу, битву, обезличивание» (с. 239), и для них процесс письма — это бегство от разлагающейся тиранической традиции, то у Мандельштама есть и конфликт, и бунт, но одновременно привязанность, восхищение и даже ласка. Именно преемственность дает возможность жизни и роста. Глазова отмечает, что Мандельштам опирается на традицию, начинающуюся

с Аристотеля, который рассматривал форму как энергию и функцию (с. 201).

Важны представления Манделъштама о читателе. Тот находится в родстве с текстом и одновременно в борьбе с ним. «Манделъштам высмеивает самый образ “властителя дум”» (с. 99). Необходим отказ от поэзии как гипнотизирующей силы. Власть поэзии — это именно способность «избегать исчерпывающего и окончательного читательского понимания» (с. 103). Адресат стиха множественен — и призраки прошлого, и читатель как сооткрыватель, и сам поэт. Поэзия Данте (или Манделъштама) «не транслирует сообщения, она пробуждает, формирует и разрабатывает ответ» (с. 248). Отличие поэта от читателя — большая способность воспринимать. Но, получив опыт при создании текста, поэт исчезает, становясь частью порыва. Автор — тот, кто переигрывает читателя и сам переигран поэзией. «Современная поэтика все еще не готова принять или отвергнуть такое видение. Если отношения между автором и читателем рассматривать исключительно как передачу сообщения и управление им, то точку зрения Манделъштама на роль автора не представится возможным ни возродить, ни исследовать. Вопрос ставится, таким образом, о новой ориентации в поэтике» (с. 238). Книга Глазовой помогает использовать опыт Манделъштама для формирования этой новой поэтики, давно необходимой.

Впрочем, она вносит вклад и в методологию изучения Манделъштама. «Необходимо составить словарь повторений и изменений образов, используемых поэтом» (с. 122). Следует учитывать время создания произведения, так как взгляды Манделъштама существенно менялись. Отнесение Манделъштама к акмеизму не должно упускать из виду его свободу диалога с каким угодно направлением. Анализ интертекста лишь первый шаг к пониманию (притом что многие исследователи дальше него не идут).

«Поэзия — это пробуждающий призыв к исполнению, которое еще только состоится, к полноте коммуникации, которой предстоит быть достигнутой. В то же время поэзия — это самая точная запись, “дневник” пробудившихся и быстро исчезающих ответов на сообщение, которое никогда не передается полностью» (с. 249). Теории поэзии предстоит учиться различать и описывать это.

Александр Уланов

Зрелость как сюжет: Статьи и материалы / Сост. А.Ю. Сорочан.

Тверь: Альфа Пресс, 2019. — 332 с. — (Время как сюжет; Вып. 8).

Содержание: От составителя; Кошелев В.А. Между молодостью и старостью: о возрасте героя русской литературы; Никишов Ю.М. «Покорный общему закону, переменялся я»; Карандашова О.С. На полудороге к ясности и покою: зрелость в поэзии В.А. Жуковского; Никонова Н.Е. Зрелость как сюжет жизнетворчества В.А. Жуковского; Васильева С.А. Путь к зрелости героинь И.А. Гончарова; Денисенко С.В. Возраст автора и возраст его героев на примере И.А. Гончарова и его творчества; Мотейунайте И.В. «Зрелость» С.Н. Дурылина-исследова-

теля: биография и методология; *Грачёва А.М.* Последняя литературная ученица Алексея Ремизова (Н. Котрянская на страницах «Дневника мыслей»); *Ли Цун.* Возраст Китая во «Фрегате “Паллада”» И.А. Гончарова; *Снетова Н.В.* Проблемы зрелости человека и общества в зеркале рефлексии Николая Страхова; *Кошелев А.В.* Зрелость Льва Камбека, или Об одном литературном скандале; *Рыбакова А.А.* «Что с собой делать?» Зрелость в антинигилистических романах Н.С. Лескова; *Урюпина А.С.* «Мы начинали вместе»: супруги Ремизовы о старшем поколении эмиграции; *Пинаев С.М.* Трагическая зрелость героя Хемингуэя (о книге рассказов «В наше время»); *Бойников А.М.* Идентификация нравственного идеала как компонент зрелости молодого поколения (на примере прозы Л.Е. Нечаева); *Бушев А.Б.* По эту сторону тектонического разлома: зрелость в эпоху постперестройки; *Шелемова А.О., Ван Юй.* Зрелость как художественно-этическая категория в «Слове о полку Игореве»; *Лукин Д.С.* Страдания созревания: проблема обретения жизненного опыта в творчестве Леонида Андреева; *Доманский Ю.В.* (Не)зрелость в «Вишневом саде» Чехова; *Шадурский В.В.* «Бред» Марка Алданова: о зрелости героев и произведения; *Новосёлова Е.А.* Принятие «реальности жизни» как миромоделирующая позиция зрелости Саши Антипова в романе Ю.В. Трифонова «Время и место»; *Громова П.С.* Возрастная проблематика в малой прозе В.В. Годицына; *Сазеева И.Б.* Обретение духовной зрелости рыцарем веры («Страх и трепет» С. Кьеркегора); *Фролов С.В.* Творческая зрелость — «парадокс надлома» у русских композиторов; *Федотов О.И.* Eхegi monumentum (Мотив поэтической статуи в лирике Бродского); *Сорочан А.Ю.* Изгой и наблюдатель; *Кольмагин Б.Ф.* Зрелый человек в поэзии андеграунда; *Беренштейн Е.П.* «Еще далеко мне до патриарха»: концепт «зрелости» в художественном мире Осипа

Мандельштама; *Еланская С.Н.* В поисках зрелости: как повзрослеть в отечественном кинематографическом пространстве (фильм Я. Чеважевского «Мама дарагая!»); *Елкина А.А.* Ускользающая чистота: зрелость сквозь призму японской мультипликации (аниме «Banana Fish» и американская литература 1930—1950-х гг.).

Старость как сюжет: статьи и материалы /

Сост. А.Ю. Сорочан.

Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. — 368 с. — (Время как сюжет; Вып. 9).

Содержание: От редколлегии; *Кошелев В.А.* «Чего тебе надобно, старче?..»; *Кузнецова О.А.* Категория «временной» старости в русской культуре XVII — нач. XVIII в.; *Никишов Ю.М.* Старость в творческом сознании Пушкина; *Васильева С.А.* «Скупая» старость: пушкинские традиции в рассказе Вс. Соловьёва «Старик»; *Галанинская С.В.* Функционирование мотива старости и старения в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева и «Крохотках» А.И. Солженицына (на примере анализа миниатюр «Старик» и «Старение»); *Федотов О.И.* «Старик, пишу тебе по новой...» (Стихотворные письма Бродского к Виктору Гольшеву); *Пастернак Е.А.* «И подумать только, это навсегда»: мотив старости в лирике

Б. Рыжего; *Громова П.С.* Инфернальная старость: образы стариков в русской романтической повести; *Танхилевич А.Б.* Живые и мертвые старики у Исаака Бабеля; *Липинская А.А.* «Если бы старость могла...» Поздняя готика о конфликте поколений; *Сорочан А.Ю.* «Страшный старик»: «Третий возраст» в лавкрафтианском хорроре; *Меркушов С.Ф.* «Зона» как воплощение / развоплощение ветхого мироздания (повесть «Пикник на обочине», сценарий «Сталкер» А. и Б. Стругацких, фильм «Сталкер» А. Тарковского); *Лобин А.М.* «Вторая жизнь» — возвращение в собственное прошлое как новый тренд хронофантастики; *Рыбакова А.А.* «Горе тому, у кого ее не будет под старость»: роль «старой сказки» в жизни героев хроники Н.С. Лескова «Соборяне»; *Царегородцева С.С.* Старость и молодость: два нравственно-религиозных этапа в истории старообрядчества (по роману Г.Д. Гребенщикова «Чураевы»); *Воскобоева Е.В.* К вопросу о соотношении старости человека и мира в дневниках Е.Л. Шварца 1940-х гг.; *Кошелев А.В.* Статья об О.И. Сенковском из «Справочного энциклопедического словаря» (1855); *Новиков А.Е.* Образ старости в трилогии В.И. Белова «Час шестый»; *Пинаев С.М.* Старость как крушение иллюзий в драматургии Юджина О'Нила; *Николаев Д.Д.* Старость как функция: образы стариков в прозе молодого Бунина; *Мотейонайте И.В.* Старость как архетип личности в романе Е. Катишонков «Жили-были старик со старухой»; *Карандашова О.С.* Старость детскими глазами; *Турьшиева О.Н.* Самосознание и ценность старости в романе А. Мердок «Сон Бруно»; *Тимофеева Л.П.* Старость в радости. Символическое назначение образов стариков в драматургии и на сцене японского комического театра Кёгэн; *Фролов С.В.* «Старость» в русской музыке, или Парадоксы творчества периода «Старости» П.И. Чайковского; *Никонова Н.Е.* Старость как сюжет жизне-

творчества В.А. Жуковского; *Ли Цун* «Старость» Китая во «Фрегате “Паллада”» И.А. Гончарова; *Денисенко С.В.* «Старость» у И.А. Гончарова: биологическая, социальная и моральная; *Левицкая Т.В.* Неугомонная старуха: Н.А. Лухманова на русско-японской войне; *Люсьий А.П.* «Привет от старухи в скалах», или Осень пиэтистов; *Доманский Ю.В.* Старость в «Вишневом саде» Чехова; *Кормилов С.И.* Дряхлость под видом зрелости. Позднесоветская официозная литературная критика.

Ефимов М.В.

Д.С.М. / Д.П. Святополк-Мирский. Годы эмиграции, 1920—1932.

СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Нестор-История, 2019. — 456 с. — 1000 экз. — (Современная русистика, т. 8).

Книга М.В. Ефимова посвящена кн. Дмитрию Святополк-Мирскому — историку литературы и критику: это первое монографическое исследование, в котором рассматривается творческое наследие одного из наиболее интересных русских литературных критиков первой трети XX в. Автор предваряет свою книгу цитатой из предисловия Б.М. Эйхенбаума к работе о Л.Н. Толстом: «...книга эта не полемическая и даже не “методологи-

ческая». Основное значение в ней имеют материал и его сопоставление...» Собственное исследование М.В. Ефимов представляет как «опыт работы над материалом». При этом «материал» ограничен хронологически: это 12 эмигрантских лет, иными словами, «советского критика Д. Мирского» здесь искать не следует. А кроме того, здесь не следует искать Святополка-Мирского — евразийца и Святополка-Мирского — историка и, что важно, здесь не следует искать биографию. И это хотя большинству потенциальных читателей книги герой этот известен именно как «человек с биографией», как герой скандалов, преданный поклонник и спонсор Марины Цветаевой, как «товарищ князь», наконец, — тот, кто сознательно отправился в «логово большевиков». Но, как позже определил сам Ефимов в интервью Ивану Толстому: «Я хотел подойти к нему как к филологическому существу» (www.svoboda.org/a/30329774.html).

Одно из главных свойств «филологического существа» Святополка-Мирского — его двуязычие, нахождение одновременно в двух гуманитарных традициях, и в первой части книги («Между историей литературы и критикой») автор рассматривает его отношения с русской филологической наукой и британской литературной теорией. Одним из главных сюжетов становится близость — «методологическая» и поколенческая — Святополка-Мирского с формалистами, общее для них совмещение истории литературы и критики, превращение критики в «историю» («мгновенная историзация», с. 25). Ефимов подробно представляет теоретические и «стилистические» схождения и расхождения, характеристики-персонификации, собственно определения формализма как «освобождающего обеднения»: «Формализм ценен не тем, что в нем есть, а тем, что в нем отсутствует: отсутствием “духа, охваченного гниением”» (с. 50).

Он остроумно замечает особого порядка «двойничество» Святополка-Мирского и Шкловского. Наконец, он показывает, как отношение к формализму меняется к концу 1920-х, вместе с «идеологическими метаморфозами» и радикальным «полевением» «товарища князя»; как из пропагандиста формального метода он превращается в «лениниста»-догматика, а формалисты в его статьях, соответственно, — в «исторически обреченных» буржуазных «спецов». И это «превращение» происходит прежде возвращения Святополка-Мирского в СССР.

Что касается британского контекста, то Ефимов, вслед за Т.Н. Красавченко, автором статьи «Д. Мирский» в «Литературной энциклопедии русского зарубежья», отмечает тут влияние Элиота (в частности, программной работы «Назначение поэзии», где речь идет о «чувстве истории» и приоритете традиции) и сталкивает некоторые тезисы Элиота с критической программой Эйхенбаума, который выстраивает свою перспективу в обратном направлении — не из истории/традиции, «не из времени, а из актуальности». Ефимов полагает, что Святополк-Мирский «синтезировал оба подхода» (с. 92). Но в целом описание британского контекста не предполагает той единой и «сюжетной» картины, которая представлена в разделе о взаимоотношениях Святополка-Мирского с формалистами. В какой-то момент Ефимов называет отклики своего героя на англоязычную критику «ситуативными» и приводит компендиум цитат из английской критики 1920-х — от А.Э. Ричардса и К.С. Льюиса до Дж.Л. Стрэчи и Э.М. Форстера; он показывает некоторые пересечения, свидетельствующие скорее о подвижности и эклектике в восприятии такого контекста, — фактически в этом разделе он зачастую следует за автором первой биографии Святополка-Мирского Дж. Смитом.

Вторая часть книги посвящена большим «историко-литературным narra-

тивам», созданным Святополком-Мирским в 1920-х. Первый из них — «Русская лирика: маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (1924); Ефимов полагает его «фрагментарным» (с.136), но при этом убедительно показывает зависимость некоторых положений автора и составителя антологии от тезисов Жирмунского и Эйхенбаума (речь идет об оппозиции классицизма и романтизма, а также о различении поэзии декламативной, напевной и говорной). Кроме того, он отмечает «оттачивание» от антологии В. Ходасевича с очень похожим названием «Русская лирика: избранные произведения от Ломоносова до наших дней» (1914), сочувственное внимание к антологии И. Эренбурга «Портреты русских поэтов» (1922) и принципиальное различие между работой Святополка-Мирского над собственной антологией и участием в подготовке «Oxford Book of Russian Verse» (1924) М. Беринга.

Следующей книге — вышедшей в 1926-м монографии о Пушкине — Ефимов уделяет едва ли не столько же места, что и двухтомной «Истории русской литературы», самому резонансному сочинению Святополка-Мирского («Contemporary Russian Literature: 1881—1925» и «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)»). Адресованная англоязычной аудитории, биография Пушкина вписывается главным образом в русский эмигрантский контекст, она полемична по отношению к юбилейным «Заметкам» Г. Адамовича, отчасти сближается с пушкинистикой В. Ходасевича и в целом соотносится с «биографической школой» — от П. Щеголева до П. Губера. И она — заметим — безнадежно архаична на фоне пушкинских штудий все тех же формалистов: Святополк-Мирский объясняет стихи через биографию и биографию через стихи, — отповедь Татьяны Онегину он объявляет «проповедью Наталье [Гончаровой-

Пушкиной] о ее супружеском долге», притом что «главным оригиналом» Татьяны, этого «наиболее чарующего создания Пушкина», он называет неверную жену Елизавету Воронцову. Ефимов приводит немногочисленные отзывы — от скептических до откровенно разгромных: Бабетта Дойч завершила свою рецензию в «The New Republic» цитатой из «Баллады Рэдингской тюрьмы» Уайльда: «Yet each man kills the thing he loves...» — Ефимов не без оснований полагает ее пристрастной, сам же он признает оценки и суждения своего героя в худшем случае «субъективными». Зато следующую главу (посвященную «Истории русской литературы») он начинает с «парада» положительных рецензий. Главными теоретическими установками «Истории...» названы социологическое (рецептивное) измерение (Ефимов цитирует положение из предисловия к «Русской лирике» о «восприимчивости» истории литературы, с. 187), адресация иностранному читателю (собственно «сравнительность», заявленная в заглавии, объясняется именно такой адресацией) и «самодостаточность», автономность литературных текстов, — в этом смысле Ефимов сближает опыт Святополка-Мирского одновременно с положениями формалистов и «Теоретическими предпосылками» «Силуэтов русских писателей» критика-импрессиониста Ю. Айхенвальда, и это по меньшей мере странно. Что же до идеи о рецептивной («восприимчивой») истории, то, однажды упомянув о ней, автор этой книги никогда более к ней не возвращается. «Сравнительность» поддержана при помощи аналогий: им посвящена отдельная глава, однако Ефимов никак не различает оригинальные аналогии Святополка-Мирского и вполне традиционные, идущие еще от Белинского и Сент-Бёва (как сравнение «Тараса Бульбы» с «Илиадой»). В конечном счете Ефимов делает вывод об особом жанре «авторской

истории литературы», который должен, по всей видимости, объяснять субъективность этого «нарратива» и его экстравагантную оценочность.

В третьей и последней части книги Святополк-Мирский предстает как двуязычный критик и журналист, который «встраивает свою <...> работу в британский стандарт высокой журналистики» (с. 248). При этом Ефимов сравнивает его статьи на русском и английском, что тем более интересно и плодотворно, когда в фокусе один и тот же персонаж, например Бабель или протопоп Аввакум. Английские статьи, как правило, включают понятные англоязычному читателю аналогии (Бабель — Синг, Аввакум — Беньян и т.д.), в русских статьях предлагается историко-литературный генезис (порой — парадоксальный), — связь Бабеля с «досимволистской» литературой, с ранним Горьким, полемические апелляции к славянофилам в случае Аввакума. В обоих случаях жанр и стиль продиктованы особенностями аудитории: для англоязычного читателя Святополк-Мирский выступает в роли «осведомленного и доброжелательного проводника», а в русских версиях позволяет себе «памфлеты» и полемику. Ефимов представляет его как «пример частичного синтеза двух традиций»: английской — «академический работник, работающий в журналистике», и русской — «публицист, осваивающий пространство академической науки» (с. 273). При эксцентричных и постоянно меняющихся политических увлечениях «красного князя» взгляды его на расклад сил в эмигрантской и русской советской литературе оставались постоянными: он не видел будущего у так называемых «ветеранов интеллигенции» и ждал «нового слова» от «поколений, сейчас подрастающих, очищенных в огне многочисленных чистилищ России и смывших с себя всю накипь девятнадцатого века» («Поэты и Россия», 1921). Таким образом, уже в начале 1920-х он был це-

ликом и полностью на стороне «прекрасного нового» советского мира, и в этом смысле многое должно объяснить его «автоописание»: Ефимов пронизательно полагает таковым статью о В. Комаровском (1924). Святополк-Мирский так представляет его культурную «почву»: «семейные предания, старое, более французское, чем русское, воспитание», абсолютная «незадетость» демократической «интеллигентской культурой» и декадентство, которое оказалось непосредственно «привито к старому стволу» (с. 300). Характерно, что эта статья затем появляется в Заключении, где Ефимов составляет «интеллектуальный портрет» своего героя и вновь настаивает на его «сознательном и последовательном дистанцировании от русской интеллигенции» как социальной группы «с определенным и порочным типом “группового мышления”» (с. 384).

Последние главы представляют собой обзор публикаций Святополка-Мирского в эмигрантской периодике — «Звене», «Современных записках», «Благонамеренном» и «Воле России». Ефимов отмечает характерные парадоксы: именно в «Современных записках», которые Мирский полагает органом «беспримесного» консерватизма и литературной «инерции», он публикует свою программную рецензию на цветаевского «Молодца». В первом номере «Благонамеренного» кн. Д.А. Шаховского вышла ключевая статья Святополка-Мирского «О нынешнем состоянии русской литературы» (1926) с анализом литературных поколений и эпатажной идеей о «плохо родящей русской почве» и обилии «инородцев» среди «умных» и «лучших»: Ефимов видит в этом желание «отмежеваться и от аристократического сословного антисемитизма, и от антисемитизма евразийцев, с которыми Святополк-Мирский был близок в то время» (с. 343). В целом, заметим, это вполне соответствует его ориентации на советскую литературу, в которой

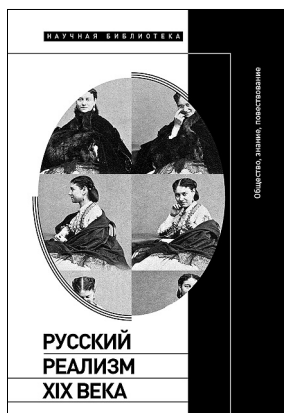
он в тот момент, очевидно, предпочитал «спецов» и «попутчиков» — от Мандельштама и Пастернака до Шкловского, Бабеля и Лунца, и характерно, что все это происходит в 1926-м, до разгрома первой редакции «Красной нови», отстранения А. Воронского от редактирования этого журнала и кампании по очистке партии и партийной литературы от «попутчиков». Наконец, Ефимов существенно корректирует представление о журнале «Версты», который Святополк-Мирский редактировал в 1926—1928 гг., как о «евразийском» журнале и характеризует его как «опыт построения трансграничной литературы» («уникальность [его] и состоит в радикальной попытке преодоления государственных и идеологических границ», с. 370).

В Заключении герой этой книги все-таки предстает «человеком с биографией» — интеллектуальной биографией: здесь важно это противопоставление русского интеллигента и западного интеллектуала. Для князя Святополка-Мирского, «офицера и джентльмена», образцом стал тип «викторианского и эдвардианского интеллектуала», а воплощением его — филолог Джейн Э. Харрисон (1850—1928). Святополк-Мирский посвятил ей второй том своей «Истории русской литературы», а в некрологе сформулировал те свойства личности, которые, по всей видимости, полагал для себя важными: «У нее было удивительно сочувственное понимание всего молодого и современного <...> и в то же время развитая самодисциплина, принадлежавшая эпохе, воспитанной лучше нынешней...» (с. 392).

Инна Булкина

Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / Сб. статей; под ред.

М. Вайсман, А. Вдовина, И. Клигера, К. Осовата.

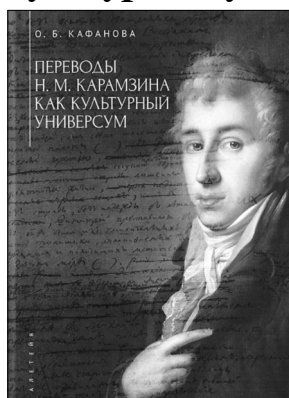

М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 568 с. — 500 экз. — (Научное приложение; Вып. ССVII).

Содержание: *Вайсман М., Вдовин А., Клигер И., Осоват К.* Введение: «реализм» и русская литература XIX века; *Школьников В.* Белинский и «конец искусства»: «Эстетика» Гегеля и становление русского реализма; *Осоват К.* «И для чего же такое писать?»: «Бедные люди» и политическая экономия реализма; *Григорян Б.* «Неточка Незванова» и экономика письма: эстетика и политика романа воспитания в николаевской России; *Клигер И.* Дисциплинарное государство и горизонты социальности: «Обыкновенная история» и поэтика европейского реализма; *Зубков К.* «Случайная действительность» в эпоху реформ: «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина и проблема литературной репутации; *Либер Э.* Роман с Эдипом и без него: семья и закон у Диккенса и Достоевского; *Долбилов М.* «Анна Каренина» и 1876 год: от «утонченной восторженности» к «непосредственному чувству»; *Шнейдер В.* Капитализм как повествовательная проблема, или Почему деньги не горят в романе

Ф.М. Достоевского «Идиот»; *Портер Дж.* Повествовательная экономика Достоевского: радужные кредитные билеты в романе «Братья Карамазовы»; *Сафран Г.* Изготовление бумаги, акустическое слушание и реализм ощущений в «Записках охотника» И.С. Тургенева; *Каминский К., Мартин Э.* Срубленный лес, или О резервах русского реализма: Тургенев, Толстой, Печерский; *Ключкин К.* Реализм и культурная экономика русской прессы середины XIX века; *Фрейзер М.* Наука реализма; *Вдовин А.* Достоевский и рефлекс головного мозга: «Записки из подполья» в свете открытий И.М. Сеченова; *Соболь В.* Рефлекс любви: теория И.М. Сеченова и любовные нарративы русского реализма; *Вайсман М.* «Писатель другого пола»: теория и практика литературного реализма в романе А.Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863); *Кучерская М., Лифшиц А.* «Феатр» Лескова: реквизит и эффекты правдоподобия «Тупейного художника»; *Маслов Б.* Гнезда клочней и роковые рецидивы: к исторической поэтике реалистических сюжетов.

Кафанова О.Б.
Переводы
Н.М. Карамзина как
культурный универсум.

СПб.: Алетей, 2020. — 356 с. — 500 экз.

Рецензируемая книга, как сообщает аннотация, «является итогом многолетних исследований переводного наследия Н.М. Карамзина». В самом деле, О.Б. Кафанова посвятила этой теме еще кандидатскую диссертацию, а на рубеже 1980—1990-х гг. опубликовала работу, значимость которой для специалистов по творчеству Карамзина и русской литературе его времени невозможно переоценить — полную библиографию переводов, осуществленных писателем (см.: *Кафанова О.Б.* Библиография переводов Н.М. Карамзина (1783—1800 гг.) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 319—337; Библиография переводов Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» (1802—1803 гг.) // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 249—283), причем исследовательница в результате многолетних кропотливых занятий установила или уточнила английские, немецкие и французские источники нескольких сотен учтенных в библиографии текстов. Обсуждаемая монография основывается на первой части библиографии, перепечатанной в конце книги, и предлагает развернутую характеристику переводческой деятельности Карамзина с 1783 по 1798 г., от первых ученических опытов — к систематичной профессиональной журналистской работе в «Детском чтении для сердца и разума», «Московском журнале» и «Московских ведомостях» — до «Пантеона иностранной словесности», возможно, главного переводческого проекта писателя.

Монография носит итоговой характер: в списке использованной научной литературы перечислены 25 работ Кафановой с 1979 по 2018 г., либо в переработанном виде вошедших в книгу, либо тесно связанных с обсуждаемыми в ней темами. К сожалению, подготовлено это новое, итоговое исследование поразительно небрежно. Так, в книге, собранной из ранее опубликованных текстов, не устранены некоторые дословные повторы (с. 13—14 и 195, 253 и

299, даже 74 и 75). Кроме того, в издании невероятное количество опечаток, в том числе самых грубых и бросающихся в глаза, очень неаккуратно и непоследовательно оформлены ссылки, а также не совпадают номера страниц, указанные в содержании, и реальная нумерация (начиная со с. 74). Странным образом результаты многолетних изысканий оказались обработаны на скорую руку.

Двойственное впечатление оставляет и содержание исследования. С одной стороны, в книге есть важные и ценные главы, например об осуществленном с немецкого посредника переводе «Юлия Цезаря» Шекспира и немецких же источниках карамзинского предисловия к нему (с. 47–64) или о переводной статье про Оссиана и том, какие сдвиги акцентов в ней осуществил Карамзин (с. 262–268). Едва ли не самым удачным исследовательским сюжетом, представленным в книге, оказывается последовательная и убедительная демонстрация того, как Карамзин, переводя французскую прозу, особенно С.Ф. Жанлис и Ж.Ф. Мармонтеля, усваивал и вырабатывал стилистические приемы, в том числе синтаксические, психологического «чувствительного» повествования на современном материале (с. 18–36, 76–92, 213–235). Сюда же можно отнести и яркий анализ того, как Карамзин с помощью анафор и использования настоящего времени риторически достраивает и усиливает текст Б. Франклина (с. 278–280).

С другой стороны, однако, многие главы книги представляются малосодержательными и искусственно растянутыми. Зачастую Кафанова просто подробно, с обильными цитатами, пересказывает переводные тексты, выделенные по тому или иному тематическому принципу, чем и ограничивается работа интерпретации. Так написаны главы про переводы в «Московском журнале» немецких философских и

эстетических статей (с. 144–156) и писательских биографий (с. 157–165) и про переводы в «Пантеоне иностранной словесности» из античных (с. 243–253) и «восточных» (с. 254–261) авторов, причем в последнем случае заодно цитируются и пересказываются оригинальные карамзинские «Мысли об уединении» (с. 256–257). Во многом как очень общий пересказ разных представлений о переводе в Европе раннего Нового времени выстроена претендующая на итоговый характер глава «Позиция Карамзина в переводческом дискурсе эпохи».

Таким образом, книга Кафановой — неравнозначный по составу набор комментариев к ею же составленной библиографии переводов Карамзина. Иногда эти сопроводительные материалы получают самостоятельную ценность, вырастая в сопоставительный анализ источника и перевода. В лучшем случае происходит увязывание перевода с литературной и интеллектуальной позицией переводчика, его творческой эволюцией. Часто, однако, дело ограничивается только приведением сведений об авторе переводного материала и его общей тематической характеристикой. Когда же исследовательница прибегает к интерпретации анализируемого ею материала, стремится вписать его в широкий историко-литературный контекст, это намерение сводится к использованию таких общих фраз, как отход от «канонов» или «эстетики» классицизма, развитие «русского литературного языка», стремление к идеалу «чувствительности» и т.д. Между тем намеченные Кафановой сюжеты требуют гораздо более тщательной историко-литературной и культурной контекстуализации. Переводы немецких текстов по эстетике побуждают задаться вопросом о трансфере этого дискурса в Россию и, например, о том, как в переводе Карамзина звучали основные эстетические понятия. Переводы писательских биогра-

фий хочется увязать с программными рассуждениями Карамзина об «авторе», в том числе в их социологическом аспекте. Обнаруженный исследовательницей набор текстов на «восточные» темы следует прочитывать, задаваясь вопросом о литературных, культурных и политических функциях ориенталистского дискурса. Соотношение переводческой практики Карамзина с аналогичной деятельностью других авторов и в других журналах того времени еще только предстоит описать, так же как и ее роль в истории языка. Наконец, общий тезис Кафановой, что Карамзин стремился «воспроизводить индивидуальный стиль авторов выдающейся художественной литературы» (с. 301) на фоне приводимых ею же сведений о характерной для писателя сильной редактуре требует во всяком случае оговорок.

Можно утверждать, что наиболее ценной частью монографии Кафановой остается библиография переводов. Тем не менее возникает вопрос, почему исследовательница не предприняла попытки обновить ее при переиздании, воспользовавшись доступными теперь цифровыми ресурсами. Так, ограничившись «Пантеоном иностранной словесности» и поиском в «Google Books», можно установить, что источником статьи «Цицерон о Боге» (№ 122 по библиографии) является неоднократно переиздававшийся французский сборник (см.: *Pensées de Cicéron, traduites pour servir à l'éducation de la jeunesse*. P., 1787. P. 31–57). Переводами из одного издания оказываются два отрывка из Саади (№ 124–125) и «Две арабские оды» (№ 137) (см.: *Cardonne D.D. Nouveaux mélanges de littérature orientale*. P., l'an V [1796–1797]. Т. 2. P. 159–166, 210–214). Анекдот «Просвещение» (№ 129) также восходит к французскому источнику (см.: *Les lumières // L'esprit de journaux, françois et étrangers*. 1796. Т. 2. P. 196–197), тогда как «Новейшее известие о Персии, из путешествия г-на Бошана,

Вавилонского генерал-викария» (№ 144) переведено, по-видимому, с немецкого посредника (см.: *Nachricht von einer Reise in Persien im Jahr 1787. Von Herrn Beauchamp, General-Vicarius in Babylon // Minerva: Ein Journal historischen und politischen Inhalts*. 1792. Bd. 3. № 14. S. 53–80, 273–292). Наконец, «Аделаида и Монвиль: истинный анекдот» (№ 154), читая который, Карамзин, по собственному признанию, «плакал» (с. 298), был, что любопытно, написан К.Ж. Руже де Лилем (см.: *Rouget de Lisle J. Essais en vers et en prose*. P., 1796. P. 61–98) и напечатан в сборнике, где ему непосредственно предшествовала «Марсельеза» (см.: *Ibid.* P. 57–59).

Легкость, с которой теперь можно устанавливать источники переводов, указывает на то, что такой тип исследований не может больше считаться самодостаточным. Указание на источник, приведение сведений о его авторе, общая характеристика перевода — все это должно быть не конечной целью, а отправной точкой исследования. В этой перспективе книга Кафановой не столько подводит итоги, сколько намечает самые общие контуры будущих исследований переводческой деятельности Карамзина.

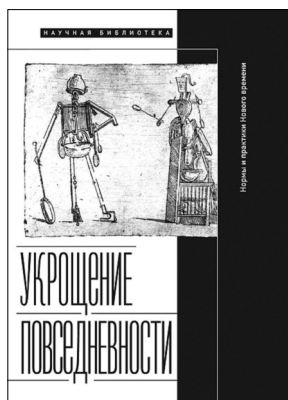
Олег Ларионов

Укрощение повседневности: нормы и практики Нового времени /

Сост. М. Неклюдова.

М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 456 с. — 1000 экз. — (Научное приложение; Вып. ССХІІІ).

Содержание: От составителя: какая повседневность требует укрощения; *Велижев М.* «Цивилизация» Норберта Элиаса: за и против; *Неклюдова М.* Об одном примечании Норберта Элиаса;

Майофис М. Создавая общества контроля: Норберт Элиас и Антон Макаренко в 1930-е годы; *Михайлова-Смолякова Е.* От женской забавы к занятию настоящего дворянина: социальные, культурные и гендерные модели в первых итальянских учебниках танца XVI века; *Голубков А.* Французские апа XVII–XIX веков как (псевдо)дидактические тексты: случай Peteriana; *Вайнштейн О.* «Уменьше хорошо одеваться»: вестиментарные императивы эпохи модерна; *Гусарова К.* Невозможная фигура: женское тело в онлайн-руководствах по позированию; *Стогова А.* Модный образ жизни и эпистолярная культура во французских письмовниках XVII века; *Мильчина В.* «Кодекс литератора и жур-

налиста» (1829) — манифест «промышленной литературы»; *Кошелева О.* Воспитание вежливости: столкновение западноевропейских и отечественных речевых практик в России раннего Нового времени; *Лыцова А.* «Бедная девица», которая «объята нежностью и удивлением»: переводы текстов Ф. Фенелона о женском воспитании в России XVIII века; *Преображенская А.* «А судь безъ милости не сотворшимъ милости»: к проблеме личного благочестия русских монахов; *Калугин Д.* Жизнь публичная и приватная в мемуарах XVIII века: Б.И. Куракин — И.И. Неплюев; *Лапина-Кратасюк Е., Правдюк А., Екомасова А.* Правила обращения с царями: частная жизнь монаршей семьи как предмет общественной дискуссии и исторической рефлексии (на примере сериалов о династии Романовых); *Панайотти Д.* Пропаганда и образ повседневности: парадигма гуманистической фотографии в СССР 1950–1960-х годов; *Ермишина К.* Воспитание советской молодежи посредством «школьного» кино в период оттепели: как государственный заказ спас фильм «Доживем до понедельника» от «полки»; *Красильников Р.* «Укрощение повседневности» в фильмах-путешествиях В.В. Познера.

Благодарим книжный магазин «Фаланстер» (Москва, ул. Тверская, 17; тел.: 8 (495) 749-57-21) за помощь в подготовке раздела «Новые книги».

Просим издателей и авторов присылать в редакцию для рецензирования новые литературоведческие монографии по адресу: 123104 Москва, Тверской бульвар, 13. «Новое литературное обозрение». Отдел библиографии.